

О некоторых «криминогенных» чертах экономической теории*

Гульемо Киоди

профессор Римского университета Сапиенца

guglielmo.chiodi@uniroma1.it

Ключевые слова: мейнстрим экономической теории, меры жесткой экономии, финансовые спекуляции, рынок крови, рынок труда, захват земельных и водных ресурсов

Keywords: mainstream economic theory, austerity, financial speculation, blood market, labour market, land and water grabbing

Перо сильнее меча.

Старая пословица

Преамбула

При написании этой статьи я во многом отталкивался от последних работ Пасинетти [26] и Нути [22]. В статье Пасинетти ключевой стала так называемая теорема Модильяни—Миллера, использованная для объяснения все еще продолжающегося экономического кризиса в Западном мире. Нути [22] сделал сравнение между курением и мерами жесткой экономии на той основе, что меры жесткой экономии, как и необходимый для курильщика табак, могут *убивать* людей. Автор подчеркивает действительную нерациональность сохранения «суицидальной политики» жесткой экономии в большинстве стран ЕС, имеющей место несмотря на растущую теоретическую и эмпирическую критику по отношению к ней.

Пасинетти, как кажется, делает на один шаг больше, отмечая, что «в

последнее время ненормально финансиализированный капитализм видится мне абсолютно очевидным *патологическим* явлением» [26, с. 1446]. Далее он недвусмысленно предполагает наличие связи между тяжелым экономическим кризисом 2007–2008 годов и общей идеей теоремы Модильяни—Миллера, и «настоящая связь, вероятно, даже намного глубже исходного уровня, который могли бы предположить ее авторы» [26, с. 1446]. Другими словами, Пасинетти глубоко убежден, что распространение и широкое признание основных положений теоремы Модильяни—Миллера в научных и финансовых кругах должно вызывать «серьезную озабоченность и вызывать большое беспокойство» [26, с. 1446] в свете *патологических* явлений, которыми наполнена финансовая сфера в последние десятилетия.

---

* Перевод с англ. языка: Маслов Глеб Андреевич, аспирант 2-го г/о экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Научная редакция перевода: Павлов Михаил Юрьевич, к. э. н., доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Материал был представлен автором на ежегодной конференции Итальянской ассоциации истории политической экономии (STOREP), 2016 г. Публикуется на русском языке в сокращенном виде.

В данной статье фактически будет аргументировано, что *мэйнстрим* (или *стандартная, неоклассическая или доминирующая* экономическая теория) в целом может рассматриваться как критически важный объект исследования, позволяющий понять причину распространения общественных патологических явлений. Это, естественно, предполагает возможность создания критики мэйнстрима экономической теории *с новой, иной точки зрения*, чем обычно предлагавшаяся.

Вездесущность мэйнстрима экономической теории

Экономическая мысль, как сейчас предполагается большинством, должна быть монолитным компактным набором согласованных идей, хотя существует жесткая критика, поднятая против этого в разное время и с разных точек зрения Кейнсом [21] и Сраффой [30]¹⁾. Эта точка зрения, которая обманчиво принимает как само собой разумеющееся наличие *однородной* экономической мысли, может быть связана с тем обстоятельством, что наиболее распространенная экономическая теория, которую я называю мэйнстримом, набрала с прошлого века до настоящего времени очень широкий консенсус по всему миру, причем не только в академических кругах, но и в общественных, экономических, политических институтах, не говоря уже об умах обычных людей. Более того, основополагающее «ядро» мэйнстрима преподается в почти каждой школе, в каждом университете, начиная с самого своего появления в конце XIX-го века, таким образом, будто это единственная существующая парадигма в экономической науке.

Недавний экономический кризис, начавшийся сначала в США в 2007–

2008 гг. и распространившийся затем в Европу, приведший к беспрецедентной турбулентности на финансовом и товарном рынках, оказывал и до сих пор оказывает разрушительное воздействие во всем мире. Но, судя по всему, даже это не оказалось способным произвести эффект на мэйнстримовскую доктрину, вплоть до того, что ее «ядро» по-прежнему считается теоретически надежным и неприступным.

В этой статье, однако, критический анализ будет выведен из той самой доминирующей экономической теории, доказывая, что эта теория характеризуется некоторыми криминогенными чертами, подразумевая под этим, что она содержит элементы, которые могут рассматриваться как потенциальный источник вдохновения и оправдания для совершения, хотя и неумышленно, некоторых «преступлений против общества» — человеческих поступков или политических действий, имеющих пагубные последствия для людей.

Новый класс «преступлений против общества»

В теории, и, к сожалению, на практике имеют место преступления, которые сейчас расследуются надлежащим образом и преследуются по закону, например инсайдерская торговля, загрязнение окружающей среды, вымогательство, взяточничество, казнокрадство, ростовщичество, отмыwanie денег, а также преступления против человечности, такие как истребление людей, порабощение, пытки, апартеид. Однако ни одно из этих преступлений не может быть напрямую связано с экономической теорией.

Следует признать, с другой стороны, что существуют человеческие поступки и политические меры (неважно тонко ли они задуманы или вообще непредумышленны), вызывающие большие страдания отдельных людей и всего населения, даже будущих поколений,

¹⁾ Нужно отметить очень изысканную методологическую критику Велупилая [32], в которой применяется тот же подход, что и в данном тексте.

последствия которых не оцениваются как негуманные. Соответственно, они не считаются «преступлениями против общества» и за них не предусмотрено наказание. Суровые меры жесткой экономии, бесконтрольный риск недобросовестности в финансовых спекуляциях, захват земельных и водных ресурсов, эффекты, порождаемые самим существованием некоторых рынков (труда, крови) — красноречивые примеры этих человеческих поступков и политических действий, которые довольно часто осуществляются. Они по-прежнему применяются на практике, принося грандиозные и длительные страдания населению в разных частях мира в различных ситуациях весьма разнообразными способами. Основная мысль данной работы в том, что их корни в конечном счете могут быть найдены в «ядре» господствующей экономической теории.

Основные принципы мэйнстрима

Как кажется, будет полезным кратко вспомнить основы, на которых стоит мэйнстрим, несмотря на риск показать его чересчур педантичным и тривиальным.

1. *Принцип максимизации*, согласно которому корыстолюбивые агенты (отдельные люди или фирмы) независимы друг от друга стремятся к максимизации своих целевых функций в условиях заданных ограничений. Этот принцип в явном виде отражает *индивидуалистическую концепцию* экономической системы, представленную исключительно как составленную совокупностью взаимодействующих «монад».
2. *Принцип рыночноцентричной экономики*, согласно которому экономика состоит главным образом из сети обменов между людьми. Этому принципу свойственны следующие характеристики (здесь, безусловно, представлен неполный перечень): (а) широкораспространенный процесс *товарности* любых

человеческих отношений; (б) каждое отношение рассматривается как «баланс сил», то есть *нарушение какого-либо элемента этих сил приводит в движение механизмы восстановления этого баланса*; (в) конкуренция осуществляется за счет постоянно работающего «закона спроса и предложения» (цена товара растет, если спрос превышает предложение, и падает в обратном случае — следовательно, относительная «редкость» товаров имеет решающее значение для определения меновых стоимостей); (г) рынок выступает как самодостаточный, саморегулируемый институт, и, *с учетом целого набора допущений*, что в конечном счете приводит к состоянию «сбалансированности», «равновесия», точно приводя каждый план потребления и производства в соответствие друг с другом, равно как и в соответствие со всем в целом. С этой точки зрения можно сказать, что положения мэйнстрима *выглядят «объективными» и «свободными от ценностных суждений»*. В результате предполагается, что экономическая наука в целом становится похожей на техническую и нейтральную, как математика или физика, а не на социальную — как это на самом деле должно быть.

3. *Принцип противопоставления частного общественному*, согласно которому «частное» признается единственной полноценной составной частью системы; это гарантировало бы максимальную свободу индивиду для эффективных решений и, следовательно, максимальную продуктивность всей системы в целом; таким образом, общественное рассматривается как нечто внешнее, в лучшем случае как вспомогательный элемент системы²⁾.

²⁾ Интересно отметить, что Дебре [13] прямо рассматривает особый класс экономических систем — «экономики частной собственности».

Эти три принципа, упомянутые выше, хоть и в разных формах, заложены во всей мейнстримовской экономической литературе. Они точно передают идею того, что должно быть объектом и целью экономической науки.

Меры жесткой экономии как «преступление против общества»

Политика жесткой экономии представляет собой набор мер, разработанных политиками для достижения улучшения состояния государственного бюджета и обеспечения роста. Она обосновывается наличием «чрезмерных» государственных расходов, регулярно провоцирующих появление «чрезмерного» государственного долга. Меры жесткой экономии даже преподносятся как экспансионистские, создающие эффект роста частного потребления в будущем за счет ожиданий оптимизации фискальной политики в настоящий момент (см. [15], [3] и [2]). Нужно сказать, что стимулы, созданные мерами жесткой экономии, как считается, проявляют свою эффективность за счет поведения на рынке *малых акторов* (отдельных потребителей и фирм).

Теоретические основания такой политики лежат в той части мейнстрима, которая отражает свое видение экономики как рыночноцентричной, в то время как общественный сектор и монетарные власти должны отстраняться от рынка, не мешая ему. Их задача ограничивается только предоставлением таких услуг, как оборона и государственное управление, которые рынок сам по себе не может обеспечить.

Однако из чего конкретно *состоят* сокращения государственных расходов и *какое влияние* они оказывают на население? В первую очередь они *состоят* из урезания зарплат, пенсий, социальных трансфертов, субсидий, льгот, если таковые имеются, девальвации понятия социального государства, что в итоге определяет снижение занятости, цен,

потребления, инвестиций и экспорта. Все это, как общеизвестно, легко выражается стандартными количественными данными.

Но то, как именно это непосредственно *влияет* на население, не может быть так же просто измерено. То, к чему меры жесткой экономии в итоге приводят, представляют собой на самом деле крайне опасные явления, которые при этом довольно трудно зафиксировать и количественно точно представить в терминах экономических издержек. Речь, например, о неуверенности в завтрашнем дне, незащищенности, нарушениях здоровья, нервных расстройствах, алкоголизме, преступности, внутрисемейных и социальных потрясениях, лишениях гражданства. Все это оказывает предельно пагубное воздействие на человека, так как разрушается собственная жизнь и жизнь семьи, также это удар по собственному достоинству.

Кроме того, следует подчеркнуть несправедливость влияния мер жесткой экономии, состоящую в том, что люди, находящиеся внизу иерархии распределения доходов, страдают больше, чем находящиеся на вершине, — они более уязвимы перед ослаблением социального государства.

Альтернативные подходы и парадигмы

Задача экономиста обычно должна заканчиваться там, где количественные отношения могут быть четко зафиксированы, просто поддаются обработке и довольно часто могут быть легко интерпретированы. Накладывается граница на задачу экономиста, но она носит весьма условный характер. Это отражает ясную и точно определенную точку зрения, которая искусственно проводит разделение между вопросами, отвечающими на «экономический» запрос, и остальными. Однако как Хикс

метко подмечает в своей почти незамеченной работе [19]:

«Философ сказал нам, что общественное благо — это не то, что может быть разделено на части, одну из которых можно использовать, а другую оставить в стороне. <...> Тем не менее я утверждаю, что в сущности это разделение проникло глубоко, очень глубоко... Экономист как обособленная профессия, по большому счету, имеет право на существование, и эта обособленность даже поощряется, удерживая его в пределах „собственных границ“; <...> Теперь я бы сказал, что если он ограничивает свою функцию таким образом, он не поднимается до уровня своей (подлинной) ответственности. *Невозможно сделать „экономический“ нормативный вывод, который не затрагивает „неэкономические“ аспекты... когда экономист делает рекомендацию, он несет за это всестороннюю ответственность; все аспекты его рекомендации, относит ли он их сам к экономическим или нет, находятся на его совести»* [19, с. 135–137] (выделено автором).

Разделение на «экономические» и «неэкономические» вопросы — типичная характеристика мейнстрима, и это аналогично разделению на «экономическую науку», с одной стороны, и на «этику» и «оценочные суждения» — с другой. Указанный выше принцип мейнстрима № 2 пытается сделать это явным.

Определение экономической науки, данное классиками (политэкономии в их терминологии), резко контрастирует с определением, свойственным мейнстриму, кратко охарактеризованному в его трех принципах, указанных выше. Определение Адама Смита [29] демонстрирует это различие очень четко:

«Политическая экономия, рассматриваемая как область науки государственного деятеля или законодателя, предлагает два отдельных предмета исследования: во-первых, обеспечение

обильного дохода или средств к существованию для людей или, более точно, создание условий для обеспечения дохода и средств существования для них; во-вторых, снабжение государства или содружества достаточным доходом для оказания общественных услуг. Это предполагает обогащение и народа, и государства» [29, с. 375] (выделено автором).

Определение политической экономии Адама Смита отражает видение системы кардинально отличающимся образом по сравнению с мейнстримом, и оно, по существу, получило идентичное продолжение в течение «классического» периода от Рикардо до Маркса и далее у Сраффы [30], который, очевидно, взял его за основу своей работы.

Обращаясь к противоположному подходу, для данной статьи в первую очередь важно рассмотреть точку зрения Вальраса, когда он спорит в основной части своих «Элементов...» [34] с определением политической экономии Адама Смита, приведенным выше:

«Обеспечение обильного дохода для людей и достаточного дохода для государства являются неоспоримо самыми достойными целями. <...> Но я не считаю, что, строго говоря, это предмет науки. На самом деле, ключевая характеристика науки *состоит в безразличии к последствиям, хорошим или плохим, с которым он преследует чистую истину»* [34, с. 52] (выделено автором).

Мысль Вальраса кристально чисто показывает огромную разницу, существующую между двумя различными видениями.

Политика жесткой экономии и ЕС

Меры жесткой экономии приняты к исполнению в ряде стран ЕС как реакция на последствия финансового кризиса 2007–2008 гг. и имеют долгую историю, которая началась в прошлом

веке и продолжается вплоть до сегодняшних дней (см. [7], особенно главу 5). Каждый раз они всегда встречали народное сопротивление по-разному и с разными результатами, иногда самыми драматичными, как в случае Японии и Германии в конце 1920-х — в последнем случае меры жесткой экономии были приняты как раз перед началом периода нацизма³⁾. И в каждом случае мейнстрим экономической теории своего времени был ответственен перед этим, так как обеспечивал мощную теоретическую поддержку действиям находившихся у власти политиков.

Политика жесткой экономии снова вышла на сцену в ЕС вскоре после заключения Маастрихтского договора (1992). Как хорошо известно, создание европейского единого валютного союза потребовало введения ряда условий, которым должна удовлетворять страна, желающая вступить в союз. Одним из этих критериев была «устойчивость» государственных финансов, выраженная в двух несвязанных контрольных величинах: максимально допустимые 3 % отношения государственного дефицита к ВВП и 60 % отношения государственного долга к ВВП.

Как Пасинетти [24] в этой связи верно заметил, не было дано правдоподобного объяснения выбора именно этих контрольных значений в качестве показателя устойчивости государственных финансов. Более того, его анализ доказал существование определенной связи между этими параметрами — в какой-то момент *нерастущее отношение государственного долга к ВВП* принимается как основной критерий *устойчивости государственного долга* (см. критику критерия Пасинетти, данную Хэрком [16], и ответ Пасинетти [25]). Таким образом, выбор контрольных величин в определенной степени произволен, особенно выведение параметра 3 %, которое

«звучит просто глупо» [24, с. 112], поскольку этот выбор «может влечь за собой большие издержки в двух аспектах: потому что он препятствует экспансионистской политике в период рецессии и массовой безработицы... и потому что превышение порога приведет к крупным штрафам» [24, с. 112].

Итак, меры жесткой экономии приводят в конечном счете к тяжелым и продолжительно действующим последствиям для жизни людей. Стандартные количественные данные, с которыми привыкли работать экономисты, чтобы выражать немедленные и осязаемые количественно эффекты, сами по себе не могут полностью иллюстрировать, если могут иллюстрировать вообще, реальные негативные последствия, порождаемые этими мерами.

Двигаясь далее, выглядит спорной попытка установления прямого воздействия «ядра» мейнстрима на данные контрольные показатели, чья «философия» кажется основанной на крепком убеждении в рыночноцентричности экономики, в «нейтральности» экономической науки и минимизации «общественного». Фиксация точных параметров, за которыми нужно следить в условиях *любой* экономики, независимо от исторической, социальной, институциональной специфики, — по сути, одевание смиренной рубашки на государство для создания уверенности в том, что его действия не приведут к превышению предопределенных границ. Таким образом, предполагается, что все частные экономические агенты становятся способны действовать в своей среде (на рынке) с большей свободой и гибкостью, чем это было бы в противном случае, поскольку они чувствуют себя более «защищенными» от внешнего вмешательства государства.

Кроме того, стоит отметить как минимум две «глупые» идеи, касающиеся этих параметров. Первая состоит в обосновании отношения государственно-го долга к ВВП в 90 % как порога,

³⁾ Будет полезным прочитать пронципальные размышления Кассиани [8], хотя они велись в другом контексте

выдвинутого Ренхартом и Рогоффом⁴⁾ по итогам анализа данных в более чем 40 странах, после прохождения которого медианные и средние темпы роста будут падать. Эта работа была подвергнута жесткой критике за содержание в ней грубых статистических погрешностей (см. [18], а также [20]).

Вторая «глупая» идея заключается в расчете бюджетных мультипликаторов, особенно относящихся к урезанию расходов, которые в последние десятилетия некоторые международные организации (включая МВФ) постоянно оценивали меньше чем в 1 (в среднем около 0,5) для развитых стран. Это очевидная *недооценка*, что сам МВФ недавно признал (см. [5] и [6]). Ключевой момент состоит в *порочных* эффектах данной недооценки. Как Нути [23] искусно и доступно показал, чем выше бюджетные мультипликаторы, тем выше вероятность, что бюджетная консолидация (сочетание сокращения государственных расходов и роста налогов) на самом деле *повысит* отношение долга к ВВП, а не уменьшит его. Непосредственный результат бюджетной консолидации в таком случае *обратный* — неустойчивость государственного долга. Нути иронически пишет: «Бюджетная консолидация работает только в тех странах, где имеется достаточно низкое отношение государственного долга [государственный долг/ВВП], и бюджетная консолидация там не нужна» [23, с. 1].

Финансовые рынки как казино

Финансовые спекуляции сейчас тесно связаны с мерами жесткой экономики, применяемыми рядом европейских правительств в последние годы.

Финансовые рынки приближаются ближе остальных к идеалу чистого рынка, подразумеваемому мейнстримом.

На них цены непрерывно определяются исключительно взаимодействием спроса и предложения, инициированным анонимными агентами. Используя все свои знания, всю доступную информацию, они достигают состояния, в целом рассматриваемого как наиболее «эффективное». Более того, мнимая нейтральность рыночного механизма, свойственная восприятию экономической теории, выглядит абсолютно удовлетворительным объяснением, так как меновые стоимости при сделках предстают настолько «объективными», насколько это возможно.

Важно отметить в этой связи, что финансовые рынки катастрофически отдалились от жизни простых людей в последние три или четыре десятилетия с ускоренным процессом изъятия денег с банковских счетов для помещения их в ценные бумаги и секьюритизации. Нужно особо подчеркнуть, что этот процесс демонстрирует собой *противоположное* тому, что в это же время делали европейские чиновники, вносявшие все более строгие и детальные правила и «параметры», которым должны следовать отдельные страны внутри ЕС.

Финансовые рынки все чаще принимают форму несоизмерно гигантских казино для азартных игр, в которых безумное дерегулирование здорово поспособствовало появлению ненормального объема новых финансовых продуктов и формированию огромного количества растущих открытых рискованных позиций. Именно это произошло в ряде стран ЕС впоследствии финансового кризиса, упоминавшегося выше, когда банковский сектор тотально ввязался в спекулятивные игры. Заплаченной за это ценой сначала стал кризис ликвидности и в то же время невозможность отдельных стран спасти свой банковский сектор, обремененных большими долгами в сравнении с ВВП. Невозможность прямого со стороны государств поддержания жизни банковской отрасли основана на, так сказать, «хромоте ЕС», которому, словно «хро-

⁴⁾ Reinhart C., Rogoff K. Growth in a Time of Debt // American Economic Review. 2010. 100 (2): 573–78.

мой утке», чего-то не достает, чтобы двигаться самостоятельно. В случае ЕС каждая отдельная страна не имеет властных полномочий для печатания собственных денег. Таким образом, единственной возможностью изыскать средства стало урезание государственных расходов и рост налогов, то есть меры жесткой экономии.

Если более внимательно обратиться ко всем рассуждениям, вскрываются жестокие и порочные обстоятельства. Оказывается, фактически, меры жесткой экономии необходимы по причине существования «чрезмерного» государственного долга, который может быть неустойчивым, но не из-за деятельности банковского сектора, продолжительное время занимавшегося высокорискованными спекуляциями⁵⁾. Населению навязываются лишения, и в некоторых странах действительно очень болезненные.

Свидетельства в конце концов говорят о провале мер жесткой экономии в ее стремлении быть экспансионистскими, то есть полезными. Напротив, они показали себя внутренне противоречивой, бессмысленной экономической политикой, вызывающей большие страдания народов во имя балансоориентированной концепции, иррациональной бухгалтерско-бюджетной идеологии⁶⁾, чьи корни, как уже было показано, лежат в одном из основных принципов мэйнстрима, смотрящего на общество как на вспомогательный инструмент, если не на зверя, которого нужно держать на голодном пайке.

Рынок крови, рынок труда, захват земельных и водных ресурсов

Новаторский текст Титмасса [31] о «человеческой крови» получил огра-

ниченное и запоздалое внимание экономистов (см. [4], [17] и [27]). Более подробно — в [11]). Центральный вопрос этой работы состоит в сравнительном анализе пожертвований человеческой крови и услуг по ее переливанию в странах, где основополагающие условия, определяющие спрос и предложение этого товара, различны. Исследование Титмасса рассматривает страны, где кровь *продается* на рынке (как в США) или является объектом *бартера* (как в Советском Союзе), сравнительно со странами, где кровь *жертвуется без оплаты* (например, Британия).

Спрос на кровь в Западных странах в период, охваченный анализом Титмасса (1950–1960-е гг.), рос быстрее, чем темпы роста населения в возрасте от 18 до 65 лет (подходящий возраст для донорства).

В Англии и Уэльсе количество пожертвований крови на 100 потенциальных доноров *выросло* с 1,8 в 1948-м году до 6 в 1968-м. Этого объема хватало для удовлетворения имеющегося спроса в течение всего периода времени [31, с. 91].

С другой стороны, в США предложение крови в это же время постоянно отставало от соответствующего уровня спроса. В отдельные годы, и в определенные периоды времени в рамках каждого года, имелся острый и хронический дефицит крови.

В США, согласно статистическим данным Титмасса, подавляющее большинство доноров являются платными донорами, и очень высокая доля объема крови обеспечена бедными людьми, безработными, неквалифицированными работниками, меньшинствами; в то время как количество добровольных пожертвований незначительно. В противоположность этому абсолютное большинство доноров крови в Британии — доноры-волонтеры, широко представленные в группе потенциально «подходящего» для донорства населения [31, с. 186-187].

⁵⁾ См. интересное обсуждение в [3], глава 3.

⁶⁾ Вызывает большой интерес письмо пяти Нобелевских лауреатов по экономике, адресованное Президенту Обаме и Конгрессу США от 28 июля 2011 г., которое опубликовано Центром бюджетных и приоритетных направлений политики (*The Center on Budget and Policy Priority*).

Существование в США частного рынка крови имеет довольно негативные последствия. Будучи заинтересованным исключительно в деньгах, поставщик крови стремится не раскрывать всю необходимую информацию о своей медицинской истории и частоте своих пожертвований, в результате чего прием крови может быть опасным из-за ее риска быть инфицированной или не совсем здоровой и неспособной принести пользу получателю. Для денежной выгоды донора нужно также сделать надбавку прибыли посредников между донорами и получателями. К ним относятся покупатели банка крови, фармацевтическая отрасль (в процессах продажи, импорте и экспорте плазмы и продуктов крови), больницы.

В такой стране, как США, где человеческая кровь для переливания приобретается на рынке, предложение отстает от спроса, дефицит иногда становится острым, и «потребителям» навязываются относительно высокие затраты. Это явно противоположно предсказанию мэйнстрима, согласно которому наличие рынка будет вызывать рост предложения товара в случае, если в определенный момент спрос оказался выше предложения. В условиях конкуренции цена также должна была стремиться к уровню минимальных средних издержек.

Скудное обеспечение донорской кровью в США не следует рассматривать как случай неблагоприятного отбора, первоначально рассмотренного Акерлофом [1], так же как оно не является примером некоего провала рынка или сбой рыночного координационного механизма. Это следствие существования рынка самого по себе, препятствующего хорошему или просто приемлемому результату, как в случае Британии.

Объяснение такому положению дел состоит в том, что анонимная рыночная оценка придает точную экономическую ценность единице человеческой крови,

на самом деле гораздо более низкую, чем ее действительная неэкономическая и неквантифицируемая ценность. Последняя соотносится с сохранением определенных общечеловеческих ценностей и дает, при определенных обстоятельствах, информацию, касающуюся представлений людей о социальных отношениях друг с другом; в данном случае, об отношениях с посторонними людьми. Поэтому рыночная оценка, обесценивая какой бы то ни было потенциал альтруизма добровольного донора, побуждает человека покинуть круг потенциальных доноров, в результате чего поставки крови намного меньше, чем были бы в противном случае.

Кровь и рабочая сила обладают схожими особенностями, не в последнюю очередь в том, что их можно назвать «физически портящимися», «тленными» товарами и по природе своей связанными с организмом человека. Согласно господствующей экономической теории, труд нужно рассматривать как и любой другой товар с оценкой с точки зрения его относительной редкости. Труд, таким образом, перестает рассматриваться в качестве одного из фундаментальных выражений человеческого бытия, а потому как ему дается цена, как любому другому товару, безработные могут существовать лишь до той поры, пока работники отказываются принимать законы рынка. Равновесная зарплата, однако, не подразумевает никакого отношения к какой бы то ни было зарплате, обеспечивающей средства к существованию. Первая, по сути, является величиной, определенной на рынке труда силами предложения и спроса, в соответствии с относительным дефицитом труда как товара; в то время как минимальная для жизни зарплата формируется комплексом социальных факторов (ментальные и социальные условия людей), непосредственно не связанных с количеством труда, имеющимся в экономике и не относящихся к рынку.

Минимальная для жизни зарплата, как классики и Маркс четко показали, а Сраффа детально смоделировал, выражается *совокупностью товаров*, которое любое общество принимает как необходимое для *воспроизводства* рабочей силы, то есть *поддержания* жизни работников и членов их семьи. Это может включать в себя — в полной мере или же вообще ни в какой (в зависимости от конкретных характеристик рассматриваемого общества) — тех, кто в *будущем станет* работником (дети и молодежь), кто *был* работником в прошлом (пенсионеры, безработные или временно не входящие в рабочую силу), а также тех, кто по факту работает с общественной точки зрения (например, матери, ухаживающими за детьми). Равновесная зарплата выражает *общую покупательную способность* через товары, и, следовательно, *нетникаких гарантий*, что уровень равновесной зарплаты будет удовлетворять спрос на конкретный объем товаров, необходимый для воспроизводства рабочей силы (см. [9, 12] и [10, с. 1542–1543]).

Захват земельных и водных ресурсов — по существу, прием, с помощью которого некоторые правительства и корпорации используют иностранные сельскохозяйственные территории для удовлетворения своих собственных потребностей в продуктах питания и энергии. Нынешняя форма захвата ресурсов земли и воды развилась в основном вследствие роста цен на продовольствие в 2007–2008 годы, и процесс присвоения резко распространился с тех пор. Под предлогом «прогресса» и «большой эффективности», как рыночноцентричный взгляд предсказывает и советует, огромные

группы населения лишены собственности на свою землю. Тем самым насильственно уничтожается их материальная и социальная среда обитания (см. [14, 28, 33]).

При решении вопросов земли экономисты ограничивают себя изучением канонических проблем ренты и оценки земли, рассматривая землю только как *меновую стоимость*, вместо того, чтобы принимать ее во внимание с гораздо более важной для жизни людей стороны *потребительной стоимости*.

Заключительные ремарки

Преступление, безусловно, не есть нечто природное; это — социальная конструкция. В рассматриваемом случае социальный и политический ущерб, причиненный суровыми мерами жесткой экономии, бесконтрольными финансовыми спекуляциями, принудительным существованием рынков некоторых благ, захватом земельных и водных ресурсов, может считаться осязаемым эффектом преступлений против общества, непреднамеренно совершаемыми политиками по отношению к населению. Политики, будучи движимы идеологией, берут за отправную точку обобщенную и широко признанную доминирующую экономическую теорию. Как высказывается в своей книге «Банальность зла» Ханна Арендт, не обязательно, чтобы преступления совершались только монстрами или демонами. Слишком поверхностное мышление (или, что хуже, неспособность размышлять вообще) без тщательного исследования предмета является основой, из которой может брать свое начало зло.

Литература

1. *Akerlof G.* The market for lemons': qualitative uncertainty and the market mechanism // Quarterly Journal of Economics. 1970. 84. P. 488–500.
2. *Alesina A., Ardagna S.* Tales of Fiscal Adjustment // Economic Policy. 1998. 13 (27). P. 489–545.

3. *Alesina A., Perotti R.* Fiscal Expansion and Fiscal Adjustments in OECD Countries // NBER working paper 5214. Cambridge MA, August 1995.
4. *Arrow K. J.* Gifts and Exchange // *Philosophy and Public Affairs*. 1972. №4. P. 343–62.
5. *Blanchard O., Leigh D.* Box 1.1 Are We Understanding Short-Term Fiscal Multipliers? // *International Monetary Fund, World Economic Outlook — Coping with High Debt and Sluggish Growth*, October 2012. P. 41–43.
6. *Blanchard O., Leigh D.* Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers // *IMF Working Paper* №13/1. January 2013.
7. *Blyth M.* Austerity. The History of a Dangerous Idea. Oxford University Press, New York, 2013.
8. *Cassiani G.* Il diritto di resistenza individuale e collettivo // Undergraduate thesis defended at the R. Università di Napoli, 1925.
9. *Chiodi G.* The Means of Subsistence and the Notion of ‘Viability’ in Sraffa’s Surplus Approach // *Computable, Constructive & Behavioural Economic Dynamics* / Ed. by S. Zambelli. Essays in Honour of Kumaraswamy (Vela) Velupillai, Routledge, Abingdon, 2010. P. 318–330.
10. *Chiodi G.* On Richard Goodwin’s Elementary Economics from the Higher Standpoint // *Cambridge Journal of Economics*. 2015. V. 39. №6. P. 1533–1550.
11. *Chiodi G., Edwards P.* Economics, Ethics, Commodities, Alienation and the Market. Reflections on Issues Raised by Titmuss // *Quaderni di Ricerca*. 2006. №5. Dipartimento Innovazione e Società, «Sapienza» Università di Roma, Aracne Editrice.
12. *Chiodi G., Ditta L.* Introduction // *Sraffa or An Alternative Economics* / Ed. by G. Chiodi, L. Ditta. Palgrave Macmillan, Houndsmill, Basingstoke, 2008. P. 1–19.
13. *Debreu G.* Theory of value. An axiomatic analysis of economic equilibrium. New Haven and London: Yale University Press, 1959.
14. *Geisler C., Makki F.* People, Power, and Land: New Enclosures on a Global Scale // *Rural Sociology*. 2014. 79 (1). P. 28–33.
15. *Giavazzi F., Pagano M.* Can Severe Fiscal Contractions Be Expansionary? Tales of Two Small European Countries // *NBER Macroeconomics Annual*. 1990. V. 5. P. 75–122.
16. *Harck S.* On the sustainability area as a simplifying didactic device // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. 24. P. 505–509.
17. *Hausman D. M., McPherson M. S.* Economic Analysis and Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
18. *Herndon T., Ash M., Pollin R.* Does High Public Debt Consistently Stifle Economic Growth? A Critique of Reinhart and Rogoff // *Political Economy Research Institute. Working Paper*. №322. 2013.
19. *Hicks J. R.* Manifesto on Welfarism // *Essays in World Economics*. Oxford: Clarendon Press, 1959; reprinted with modifications: *Hicks J. R. A manifesto* // *Wealth and Welfare, Collected Essays on Economic Theory*. V. I. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 135–41.
20. *Irons J., Bivens J.* Government Debt and Economic Growth: Overreaching Claims of Debt Threshold Suffer from Theoretical and Empirical Flaws // *Economic Policy Institute*. 2010, 26 July. Briefing Paper №271.
21. *Keynes J. M.* The general theory of employment, interest and money. L.: Macmillan and Co. Ltd, 1936.
22. *Nuti D. M.* Austerity Can Kill You // *Transition*. July. <http://dmarionuti.blogspot.com>
23. *Nuti D. M.* (2013b), Perverse Fiscal Consolidation // *Transition*. September.
24. *Pasinetti L. L.* The myth (or folly) of the 3 % deficit/GDP Maastricht parameter // *Cambridge Journal of Economics*. 1998. 22. P. 103–116.
25. *Pasinetti L. L.* On concepts of debt sustainability: a reply to Dr Harck // *Cambridge Journal of Economics*. 2000. 24. P. 511–514.
26. *Pasinetti L. L.* A few counter-factual hypotheses on the current economic crisis // *Cambridge Journal of Economics*. 2012. 36. P. 1433–1453.

27. *Reisman D.* Richard Titmuss: Welfare as Good Conduct // *European Journal of Political Economy*. 2004. V. 20. P.771–94.
28. *Rulli M., Saviori A., D’Odorico P.* Global land and water grabbing // *Proceedings of the National Academy of Science*. 2013. January, 15. P.892–897.
29. *Smith A.* *The Wealth of Nations*. L.: J. M. Dent & Sons Ltd., 1970.
30. *Sraffa P.* *Production of commodities by means of commodities. Prelude to a critique of economic theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
31. *Titmuss R. M.* *The Gift Relationship. From Human Blood to Social Policy*. L.: George Allen and Unwin, 1970; New Edition edited by A. Oakley and J. Ashton. New York: The New Press, 1997.
32. *Velupillai K.* *Computable Foundations for Economics*. L. and N. Y.: Routledge, 2010.
33. *van der Ploeg J. D.* The peasantries of the twenty-first century: the commoditisation debate revisited // *The Journal of Peasant Studies*. 2010. V. 37. N° 1. P. 1–30.
34. *Walras L.* *Éléments d’économie politique pure*. Transl. by W. Jaffé. Edition Définitive 1926. L.: George Alen and Unwin Ltd, 1954.